

Мирсаидова Нафисабону Сайфуллоджановна

доктор PhD

Национальная академия наук Таджикистана

г. Душанбе, Республика Таджикистан

DOI 10.31483/r-168146

**СНИЖЕНИЕ НЕФОРМАЛЬНОЙ ЗАНЯТОСТИ ЖЕНЩИН
В ТАДЖИКИСТАНЕ ЧЕРЕЗ РАЗВИТИЕ ЖЕНСКОГО
ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА И ПРОЕКТЫ
МЕЖДУНАРОДНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ**

Аннотация: в статье исследуются институциональные, финансовые и социально-культурные факторы, влияющие на участие женщин Таджикистана в формальной занятости и предпринимательстве. На основе анализа национальных программ, данных Всемирного банка, Азиатского банка развития, ЕБРР, UNFPA, AFI, WAGE и материалов профильных организаций обоснованы меры по снижению неформальной занятости женщин через финансовую инклюзию, профессиональное образование, цифровые навыки и ESG-ориентированные кредитные продукты [1; 2; 4; 5; 9].

Ключевые слова: женская занятость, неформальный сектор, женское предпринимательство, финансовая инклюзия, Таджикистан, ESG, международные организации.

Введение.

Проблема неформальной занятости женщин в Таджикистане имеет двойственную природу. С одной стороны, она отражает ограниченность формального рынка труда: недостаток рабочих мест с достойной оплатой, слабую социальную защиту, отраслевую сегрегацию и зависимость от сезонных источников дохода. С другой стороны, она показывает наличие предпринимательского потенциала женщин, который пока не полностью интегрирован в официальную экономику [1; 7].

Актуальность темы усиливается современным макроэкономическим контекстом. Таджикистан сохраняет высокие темпы роста: по оценке Всемирного банка, экономика страны выросла на 8,4% в 2025 году, а АБР прогнозирует рост ВВП на 7,3% в 2026 году и 6,8% в 2027 году при прогнозируемой инфляции 4,0% и 4,5% соответственно [1; 2]. Однако высокий рост сам по себе не гарантирует равного участия женщин в экономике, если сохраняются барьеры доступа к финансированию, собственности, цифровым сервисам и профессиональным навыкам [1; 3; 4].

Исходный документ, положенный в основу настоящей статьи, показывает, что ключевыми препятствиями для развития женского предпринимательства в Таджикистане остаются дефицит стартового капитала, слабая финансовая и цифровая грамотность, гендерные стереотипы, ограниченный доступ к залогам и недостаток специальных кредитных продуктов [8; 9]. Эти положения дополнены свежими международными данными и практикой программ ЕБРР, АБР, USAID, WAGE и других партнеров [3; 2; 9].

Методология исследования.

Методологическую основу статьи составляют сравнительный анализ, институциональный подход и контент-анализ национальных и международных программ. В качестве информационной базы использованы положения Государственной программы развития женского предпринимательства на 2024–2027 годы, статистика World Bank Gender Data Portal, ADB Asian Development Outlook, материалы ЕБРР, AFI, UNFPA, Women, Business and the Law, а также данные и публикации организаций, работающих с женским предпринимательством в Таджикистане [1–6; 8; 9].

Под неформальной занятостью в статье понимается экономическая деятельность, которая не обеспечивает полной регистрации доходов, устойчивого трудового договора, социальных гарантий, пенсионных отчислений и доступа к официальным финансовым продуктам. Для женщин такая занятость часто принимает форму домашнего микробизнеса, торговли, аграрной самозанятости, услуг по уходу, сезонных работ и неоплачиваемого труда в семейном хозяйстве [7; 10].

Современная статистическая картина: рост экономики при низкой вовлеченности женщин.

Демографический потенциал Таджикистана значителен: по данным UNFPA, численность населения страны в 2025 году оценивалась примерно в 10,8 млн человек [5]. При этом женский человеческий капитал остается недостаточно вовлеченным в формальную экономику: по данным Всемирного банка, участие женщин в рабочей силе в 2025 году составляло 21,9%, тогда как у мужчин – 55,8% [1]. Такой разрыв означает, что значительная часть трудового и предпринимательского ресурса страны остается вне формального экономического оборота.

Важной характеристикой является уязвимая занятость. По данным Всемирного банка, доля уязвимой занятости среди женщин в Таджикистане составляет 33,3% [1]. Это означает высокую зависимость от samozанятости, неоплачиваемого семейного труда и нестабильных источников дохода. В условиях отсутствия официально подтверждаемого дохода женщины хуже проходят банковскую оценку платежеспособности, что закрепляет их в неформальном секторе [4].

Финансовая инклюзия развивается, но сохраняет гендерный разрыв. Согласно данным Alliance for Financial Inclusion, в 2020–2024 годах банковские учреждения Таджикистана выдали женщинам кредиты на сумму свыше 2 млрд долларов США, а в 2024 году женщинам-предпринимательницам было предоставлено 18 968 кредитов, что на 27% больше, чем годом ранее [4]. Эти цифры показывают движение вперед, но также подтверждают необходимость расширения охвата сельских женщин, samozанятых и микропредприятий [4].

Таблица 1

Отдельные индикаторы, характеризующие экономическую активность женщин в Таджикистане

Показатель	Последнее значение	Год	Источник
Участие женщин в рабочей силе	21,9%	2025	World Bank Gender Data Portal [1]
Участие мужчин в рабочей силе	55,8%	2025	World Bank Gender Data Portal [1]
Уязвимая занятость среди женщин	33,3%	2025	World Bank Gender Data Portal [1]

Число женщин-предпринимателей	более 79 тыс.; 23,1% субъектов предпринимательства	2022	Госпрограмма 2024–2027 / исходный документ
Кредиты женщинам, совокупно	более 2 млрд долл. США	2020–2024	Alliance for Financial Inclusion
Кредиты женщинам за год	18 968 кредитов	2024	Alliance for Financial Inclusion
Рост ВВП	8,4%	2025	World Bank
Прогноз роста ВВП	7,3% в 2026 г.; 6,8% в 2027 г.	2026–2027	Asian Development Bank

Ключевые барьеры формализации женской занятости.

Первый барьер – финансовый. Женщины чаще сталкиваются с нехваткой стартового капитала, слабой залоговой базой и отсутствием официально подтвержденного дохода. В традиционной кредитной модели банк оценивает клиента через имущество, кредитную историю и стабильную зарплату, тогда как женский микробизнес часто строится на малых оборотах, сезонности и неформальных денежных потоках [4; 9].

Второй барьер – имущественный и правовой. Женщины нередко имеют ограниченный контроль над активами домохозяйства, даже когда фактически участвуют в формировании семейного дохода. Отсутствие собственности, оформленной на женщину, снижает возможность предоставить залог и усиливает зависимость от родственников или неформальных источников финансирования [6; 10].

Третий барьер – образовательный и цифровой. Низкая финансовая грамотность ограничивает способность женщин сравнивать кредитные продукты, рассчитывать реальную стоимость займа, планировать денежные потоки и пользоваться цифровыми финансовыми сервисами. Особенно заметна эта проблема в сельских районах, где слабее доступ к интернету, консультациям и предпринимательским сетям [4; 9].

Четвертый барьер – социальные нормы и неоплачиваемый труд. Женщины несут несоразмерно большую нагрузку по уходу за детьми, пожилыми родственниками и ведению домашнего хозяйства. Это сокращает время на обучение, поиск работы, регистрацию бизнеса, переговоры с банками и участие в деловых сетях [10; 2].

Роль государственных программ и международных организаций.

Государственная программа развития женского предпринимательства на 2024–2027 годы является важным институциональным шагом, поскольку признает женский бизнес отдельным объектом экономической политики. В программе отражены задачи расширения доступа женщин к финансированию, повышения профессиональных навыков, поддержки самозанятости и регионального предпринимательства [8].

ЕБРР играет заметную роль через программу Women in Business и развитие гендерно-чувствительного финансирования. В апреле 2024 года ЕБРР сообщил о сотрудничестве с Национальным банком Таджикистана по разработке Women Entrepreneurs Finance Code, а также о кредите в 5 млн долларов США Bank Arvand для поддержки женского предпринимательства [3]. В мае 2024 года ЕБРР объявил о финансировании HUMO, включая до 1 млн долларов США по линии Women in Business [3].

Программы USAID, MEDA, WAGE и TRIGGER дополняют финансовый компонент нефинансовой поддержкой. Их ценность заключается в том, что они работают с практическими дефицитами предпринимательниц: бизнес-планированием, маркетингом, цифровыми навыками, коучингом, наставничеством, правовой информированностью и связью с рынками [9].

Азиатский банк развития делает акцент на профессионально-техническом образовании, инклюзивном росте и модернизации навыков. Поддержка учебных мастерских, оборудования и практического обучения позволяет девушкам и женщинам осваивать профессии, которые традиционно считались «мужскими», но имеют более высокий рыночный потенциал [2].

Финансовая инклюзия как механизм выхода из неформальности.

Для сокращения неформальной занятости женское предпринимательство следует рассматривать не как вспомогательную социальную меру, а как полноценный экономический сектор. Если женщина получает доступ к счету, кредиту, цифровым платежам, регистрации бизнеса и консультациям, ее деятельность становится видимой для государства, банков и рынка [4].

Ключевым инструментом может стать внедрение альтернативной оценки кредитоспособности. Для женских микропредприятий традиционный залог часто недоступен, но существуют другие данные: регулярность поступлений на электронный кошелек, история коммунальных платежей, обороты по торговой точке, участие в групповых гарантиях, рекомендации поставщиков и цифровые следы продаж [4].

Второй инструмент – кредитные продукты с встроенной образовательной поддержкой. Практика показывает, что одноразовый тренинг редко меняет поведение. Более эффективна модель «финансирование плюс сопровождение»: краткая диагностика бизнеса, расчет оборотного капитала, обучение учету, консультации после выдачи кредита и мониторинг результата [3; 9].

Третий инструмент – гендерно-дезагрегированная отчетность. В исходном документе справедливо подчеркивается, что отсутствие детализированной банковской статистики по полу заемщика ограничивает анализ доступа женщин к финансированию. Women Entrepreneurs Finance Code может стать практической основой для сбора данных, разработки KPI и оценки реального эффекта кредитных программ [3; 4].

Профессиональное образование и цифровые навыки.

Формализация женской занятости невозможна без диверсификации профессиональных траекторий. Концентрация женщин в торговле, бытовых услугах, низкооплачиваемом аграрном труде, образовании и здравоохранении ограничивает доходы и карьерный рост. Поэтому профессионально-техническое образование должно стать не запасным вариантом, а инструментом входа женщин в более доходные сектора [2; 7].

Особое место занимают цифровые навыки. Для микробизнеса цифровизация означает не только программирование или IT-профессию. Это умение вести учет в приложении, принимать безналичную оплату, продвигать товар в социальных сетях, фотографировать продукцию, пользоваться маркетплейсами, защищаться от мошенничества и оформлять документы онлайн [4; 9].

В международной практике все большее значение приобретают бизнес-инкубаторы для женщин, программы наставничества и клубы предпринимательниц. Для Таджикистана целесообразно развивать региональные центры женского предпринимательства при сотрудничестве государственных органов, банков, микрофинансовых организаций, НАДЖТ и международных партнеров [9; 10].

ESG-подход и экономическая отдача поддержки женщин.

Поддержка женской занятости тесно связана с ESG-повесткой финансового сектора. Социальный компонент ESG включает финансовую инклюзию, равный доступ к продуктам, поддержку уязвимых групп, защиту клиентов и развитие человеческого капитала. Для банков и микрофинансовых организаций женское предпринимательство может быть одновременно социальным эффектом, клиентским сегментом и фактором устойчивости портфеля [3; 4].

Экономическая отдача проявляется на нескольких уровнях. На уровне домохозяйства рост дохода женщины повышает устойчивость семьи, инвестиции в образование детей и способность реагировать на шоки. На уровне региона женский микробизнес создает услуги и занятость там, где крупные предприятия отсутствуют. На уровне экономики формализация расширяет налоговую базу и снижает зависимость от денежных переводов [1; 4; 7].

Однако ESG-подход не должен превращаться в красивый лозунг. Для практического эффекта нужны измеримые показатели: доля женщин среди заемщиков, объем кредитов женщинам, процент новых женщин-клиентов, число женщин, перешедших от неформальной деятельности к регистрации, доля сельских клиенток, уровень просрочки, рост оборота бизнеса и изменение доходов домохозяйств [3; 4].

Предлагаемая модель сокращения неформальной занятости женщин.

На основе проведенного анализа предлагается семикомпонентная модель политики. Первый компонент – регуляторный: гендерный анализ нормативных актов Национального банка и устранение барьеров, которые косвенно ограничивают доступ женщин к кредитам. Второй – финансовый: развитие продуктов без

классического залога, малых оборотных кредитов, групповых гарантий, лизинга оборудования и цифровых кредитных линий [3; 4; 6].

Четвертый компонент – профессиональный: расширение доступа женщин к техническим и высокодоходным специальностям, включая зеленую экономику, ремонтные услуги, переработку, логистику, цифровые сервисы и агробизнес. Пятый – инфраструктурный: развитие услуг ухода за детьми, безопасного транспорта, доступа к интернету и консультационным центрам. Шестой – информационный: создание единого портала программ, грантов, кредитов и обучения для женщин. Седьмой – мониторинговый: регулярная публикация гендерно-дезагрегированных данных [2; 4; 8; 10].

Главный принцип модели – сопровождение вместо разовой помощи. Женщина, занятая в неформальном секторе, часто не нуждается в абстрактном призыве «открыть бизнес». Ей нужен понятный маршрут: как зарегистрироваться, какой налоговый режим выбрать, где взять стартовый капитал, как рассчитать цену, как продвигать продукт, как вести учет и как не потерять социальную устойчивость семьи [9].

Заключение.

Сокращение неформальной занятости женщин в Таджикистане является не узкой гендерной задачей, а стратегическим условием инклюзивного экономического роста. Несмотря на позитивную динамику женского предпринимательства и активность международных организаций, сохраняются системные барьеры: низкое участие женщин в рабочей силе, уязвимая занятость, ограниченный доступ к залому, цифровой разрыв и социальные нормы, увеличивающие неоплачиваемый труд [1; 4; 6; 7; 10].

Наиболее перспективным направлением является интеграция финансовой инклюзии, профессионального образования, цифровых навыков и ESG-подхода. Государственная программа развития женского предпринимательства на 2024–2027 годы создает нормативную основу, а программы ЕБРР, USAID, WAGE, АБР, Всемирного банка и НАДЖТ формируют практическую инфраструктуру поддержки [2; 3; 8; 9].

Таким образом, женское предпринимательство способно стать мостом между неформальной samozанятостью и формальной экономикой. Но этот мост должен быть построен из конкретных элементов: доступного финансирования, данных, доверия, навыков, инфраструктуры ухода и партнерства государства, банков, бизнеса и международных организаций [2; 4].

Список литературы

1. World Bank. Tajikistan – Gender Data Portal, DataBank and Country Overview: labour force participation, vulnerable employment and macroeconomic indicators. 2025–2026.
2. Asian Development Bank. Tajikistan: Economy. Asian Development Outlook, April 2026; materials on skills, TVET, inclusive growth and gender components in Tajikistan.
3. European Bank for Reconstruction and Development. Women in Business programme in Tajikistan and 2024 materials on support to women and youth entrepreneurship through Bank Arvand and HUMO.
4. Alliance for Financial Inclusion. Examining the state of financial inclusion in Tajikistan. 27 August 2025.
5. UNFPA. World Population Dashboard: Tajikistan. Population and demographic indicators. 2025.
6. World Bank. Women, Business and the Law 2026: Tajikistan profile and flagship report. 2026.
7. International Labour Organisation. ILOSTAT country indicators and statistical guidance on employment, informality and vulnerable employment.
8. Правительство Республики Таджикистан. Государственная программа развития женского предпринимательства в Республике Таджикистан на 2024–2027 годы.
9. WAGE – Women and Girls Empowered; USAID Tajikistan; MEDA; Национальная ассоциация деловых женщин Таджикистана. Материалы о программах поддержки женского предпринимательства, наставничества, бизнес-обучения и экономического расширения возможностей женщин.

10. UN Women; OECD Social Institutions and Gender Index. Материалы по гендерному равенству, социальным нормам, участию женщин в экономике и неоплачиваемому труду в Таджикистане.